

Воплощения

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Димитрий часто представлял на драматической сцене сентиментальным любовником, лишь случайно поднявшимся на гребень исторической волны. Недаром сцена у фонтана, что называется, заиграна до дыр любителями всех сортов и калибров. И только И. М. Москвин в Художественном театре сорвал с Димитрия лирический плащ любовника, обнажив под ним рыжего, в бородавках, с укороченной рукой ловкого авантюриста. Но, воплотившись в Гришку Отрепьева, Москвин не поднялся до личности Самозванца, человека, взлелеявшего под клобуком «отважный замысел», сумевшего «ослепить чудесно два народа».

В Димитрии, на мой взгляд, есть нечто ноздревское. С ноздревским нахальством располагается он в любой обстановке, ноздревские масштабы фантазии слышатся в его обещании патеру сделать через два года всю Русь католической. Беглый монах, изнуренный лихорадкой слуга, впервые входит в дом Вишневецкого в качестве будущего правителя московского, — и какое парственное величие звучит в этом коротеньком: «Кто там! Сказать: мы принимаем».

И в сцене у фонтана Димитрий — не томный вздыхатель, но человек, охваченный страстью, «слепой и ревнивой», с помутившимся воображением, с напором, опять-таки, чисто ноздревским. Так играл эту сцену Мамонт Дальский, и, глядя на него, я многое понял в характере пушкинского Самозванца. Дальский так произносил слова «польской деве», что они звучали, как «девке», а может быть, и хлеще того. Это была почти русская деревня — скандал с бабой! Только так может любить Димитрий с его сумасшедшим темпераментом, неудержимостью желаний и авантюризмом.

И последний пример — Пимен, тот Пимен, которого даже Качалов играл отрешенным от жизни блюстителем истины, давно равнодушным и к злу и к добру. Но таков

которому мерещатся до сих пор «то шумные пиры, то ратный стан, то схватки боевые, безумные потехи юных лет»? Вся биография Пимена — боярина, политика, человека опасного — уместается в коротенькой сцене в келье, и это дает нам право искать в Пимене живую страсть, сегодняшний интерес, свое отношение к политическим событиям времени. Я больше верю Григорию, когда он говорит, обращая свои слова к Борису: «А между тем, отшельник в темной келье здесь на тебя донос ужасный пишет», чем самому Пимену, декларирующему свое равнодушие к мирскому. Я вижу в Пимене человека, сформированного той самой эпохой «многих мятежей», которую описывает он в своем сказании.

Иначе говоря, мне хотелось бы свести героев драмы Пушкина с небес театральной приподнятости на благодатную почву «площадного» реализма. Понять и воплотить всю остроту незримых поединков, все схватки мысли, всю борьбу страстей, заложенные буквально в каждой строке трагедии. Воплотить великолепные пушкинские психологические «подсказки», рассыпанные в тексте ее.

Вот, к примеру, скучнейшая, казалось бы, сцена: патриарх предлагает Борису перевезти в столицу гроб с останками настоящего Димитрия, а Шуйский отводит это предложение на том основании, что «народ и так колеблется безумно» и незачем смущать умы людей «нежданною, столь важной новизною». Что делает Пушкин? Он разделяет монологи патриарха и Шуйского ремаркой «молчание». И все становится ясно: и то, что предложение это — провокационное, рассчитанное на окончательную дискредитацию царя-убийцы, и то, что сам Борис затрудняется его отвергнуть, дабы не дать новых улик против себя, и то, что молчание это в какой-то момент становится нестерпимым, — и лишь тогда, повидимому, хитрый дипломат Шуйский приходит на выручку царю. Стоит только раскрыть смысл этого насыщенного молчания, и сцена сразу станет действенной, пронизанной сложными внутренними ходами.

Или еще: Афанасий Пушкин уговаривает Басманова примкнуть к Самозванцу, чья

цу государя... Но смерть... но власть... Но бедствия народны... (Задумывается) Сюда! кто там? (Свищет) Коня! трубите сбор». Это целая сцена, полная глубокого психологического смысла, душевной борьбы, взвешивания всех за и против. И потом — рывок к принятому решению, переход от зыбких многоточий к энергичным и четким интонациям — приказам. Здесь подсказана исполнителю вся психологическая канва.

Важная составная часть «площадного» стиля трагедии — ее юмор, хлесткий и сочный, чуть грубоватый и непреложно народный. Он живет и в поведении толпы у Девицкого, и в краткой стычке русского солдата со шляхтичем, и в дерзком ответе московского дворянина Рожнова Самозванцу: «А говорят о милости твоей, что ты дескать (будь не во гнев) и вор, а молодец», и в комическом напряжении сцены в корчме. Нескрываемой иронией отмечены в пьесе все эпизоды со шляхтой — вот в них бы, хоть ради контраста, я бы не поскупился на краски! У шляхты все роскошно, помпезно: парча и бархат, манерность полонеза и шорох пышных юбок, изогнутые сабли и длиннейшие усы. «Каждый сам себе король» — вот ее самочувствие. И нужно уметь опрокинуть этот блистательный образ, показать, как пристало «гонимой шляхте» пушкинское словечко «безмозглый».

И лишь в том случае, если режиссеру удастся «заземлить» трагедию, вернуться к ее народным истокам, взметнется ввысь крылатый пушкинский стих.

Конечно, нужно специально заниматься стихом. Нужно без счета тренировать актеров в практике стихотворного произношения, приучать их «думать в стихе». Нужно развивать дыхание, артикуляцию, ставить голоса, воспитывать в актере чувство ритма, рифмы, мелодики. Но мы не решим задачи, если не продадем гигантской внутренней работы над собой и над образами драмы, постигая ее «площадной» стиль. Лишь он в силах высободить пушкинский стих из-под коры сценической «монументальности», сделать его «весомым, зримым», передающим «истину страстей, правдоподобие чувствований» в величественных обстоятельствах трагедии. И тогда, мне кажется, мы сможем сказать, что «Борис Годунов» сыгран на русском театре.

С. В. Рахманин льяине: «Он пел В сокровищнице культуры имя Ш почтеннейших местные посетители интерес к новой

С любовью осл реты артиста, и з мов оперных спевовал Шалаяпин, гие ценнейшие з шие сложный творчества, начиная с Тифлисской опер фальных выступл Милане, Париже необычайно разно пел Бориса Году («Борис Годунов» Сусанин), Мель («Хованщина»), «Тянка»), Салер Олоферна («Юди уст»), Нилаканту («Севильский ц («Дон Кихот») и ше чем в сорока

Ряд экспонатожизнь Шалаяпинления в театр, с 17-летним юноше «визоре» роль Дер

Представлены периода жизни а Д. Усатова, выступ не. Зрители зна ми, характеризую льяина на москов нах, его выступл Берлине. Здесь на

Имя Гануша В лончелиста, орган в мире инструме «Чешского кварта композитора, неуст только националы хорошо известно чер в Центральн священный столет мечательного музы ко профессионалы искренние почитат гана. Этот вечер